

Интеллектуальное событие

От редакции

Продолжаем публикацию статей, посвящённых разработке методологической проблематики анализа поколений советских философов. В этом номере представлены труды и дни выдающихся философов-шестидесятников. Авторы описывают множество личностных и групповых переплетений профессиональных, нравственно-политических, идеологических и экзистенциально-мировоззренческих проблем, которые пришлось осознать и решать на свой страх и риск философам-шестидесятникам. Сердечно благодарим Ю.В. Синеоку за помощь.

В.П. Макаренко

ФИЛОСОФИЯ ШЕСТИДЕСЯТНИКОВ КАК ОБЩЕСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ¹

А.А. Гусейнов

Институт философии РАН

Аннотация: В своей основной части статья посвящена советской философии шестидесятников. Она предваряется предисловием, рассматривающим принадлежность к поколению как знак судьбы, и завершается послесловием, согласно которому прошлое не судят. Принадлежность к поколению – это печать времени на индивидуальных судьбах. Автор принадлежит к поколению советских философов, которое непосредственно шло за шестидесятниками и затерялось в их тени. Он показывает, какими они видятся с этого близкого расстояния. Они олицетворяли обновление философии в Советском Союзе во второй половине XX века. Показано, что оно началось на философском факультете Московского университета в форме противостояния молодых исследователей догматически настроенной профессуре, что у его истоков стояли два выдающихся мыслителя – Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев, задавшие своим творчеством спекулятивно-диалектическую и научно-аналитическую линии развития философских исследований. Философия шестидесятников была гуманистически ориентированной и возникла как решительный разрыв с философским догматизмом 30–40-х годов, она явилась теоретическим обоснованием начавшегося в стране процесса десталинизации. Она была представлена большим количеством оригинальных теорий мышления и действия, вдохновлённых идеями суверенности человеческого разума и индивидуально ответственного существования личности. Философия шестидесятников сохраняла лояльность учению Маркса и социалистическому идеалу, существовала как бы параллельно с официальной ортодоксией при внутреннем её неприятии.

¹ См.: Философские поколения / Автор идеи, сост. и отв. ред. Ю.В. Синеокая. – М.: Издательский Дом ЯСК, 2022. – 1232 с., ил. – С. 237–266.

Ключевые слова: *поколение, философия, шестидесятники, мышление, марксизм, де-сталинизация, идеология, догматизм, гуманизм, Эвальд Ильенков, Александр Зиновьев, Георгий Щедровицкий, Мераб Мамардашвили, оценка прошлого.*

Предисловие: поколение – это судьба

«Печально я гляжу на наше поколенье» – вот мысль, которая невольно приходит в голову, когда слышу слово «поколение». Эта строчка любимого поэта юности вполне точно характеризует моё отношение к своему поколению. Но что такое само понятие поколения и понятие ли оно, что оно означает если не по существу, то хотя бы по объёму? Поколение – это кто? Здравый смысл подсказывает, что к нему принадлежат все те, кто появился в этом мире в то же время и в том же месте, что и я, с кем играл в детстве, учился в школе, университете (особенно в университете), работал в коллективах, ходил на демонстрации, гулял в парках, переживал одни и те же природные и общественные состояния, кто помнит несколько невыносимо суровых зим, как, например, зима 1950 года, когда Каспийское море, обычно не замерзающее в Южном Дагестане, покрылось толстым слоем льда, и невероятно жаркие лета, как, например, московское лето 1972 года, кто помнит смерть Сталина, восторг от первого спутника в 1957 году и полёта в космос Юрия Гагарина в 1961 году, кто наблюдал, как советские вожди свергали друг друга в 1950–1960-е и дружно уходили один за другим в иной мир в 1980-е годы, кто однажды утром узнал из сообщения радио о том, что уже нет Советского государства, был свидетелем расстрела из танков мятежного Верховного совета в 1993 году, кто застал всеобщую переоценку ценностей и всё в момент перевернулось: герои стали предателями, а предатели героями, кто пережил хаос и нищету 90-х, с надеждой и страхом ждал миллениума, словом, кто прошёл вместе со мной через все эти и многие-многие другие события, составившие нашу жизнь, и уже уходят из неё, так и не поняв, что всё это значило. Всё это огромное неопределённое множество людей и есть моё поколение, которому, увы, выпала печальная участь.

Оно состоит из необозримого множества мужчин и женщин, знакомых и незнакомых людей, разных по роду занятий, месту в социальной иерархии, степени удачливости, семейному положению, этнической принадлежности, самосознанию, эстетическим предпочтениям, житейским привычкам и иным характеристикам. Это были люди, которые вступали между собой в самые разные отношения, дружили, враждовали, конкурировали, завидовали и т. п. И тем не менее, или, быть может, именно поэтому, они составляют одно поколение. Александр Александрович Зиновьев ввёл в своё время понятие: гомо советикус, которое впоследствии пошляки назвали «совком», это был правдивый, хотя и карикатурный, социологический образ советского человека. Я спросил его о том, как можно было бы конкретизировать это понятие, чтобы определить, кто из советских людей подходит под него, а кто – нет. Он ответил, что под него подходят все советские люди, в том числе лучшие из них, и партработники, и диссиденты, и в особенности те, которые любят ругать гомо советикусов и называют их «совками». Нечто подобное я мог бы сказать о своём поколении: оно в целом является поколением неудачников и заслуживает жалости. Конечно, оно на уровне индивидов является очень разнообразным; среди миллионов людей, образующих в итоге единый человеческий поток, можно найти много ярких талантов, успешных карьер, счастливых судеб, выдающихся личностей и т. д. Но тем не менее оно в целом как поколение явилось неудачным – не может предъявить ничего стоящего в качестве своего исторического достижения. Даже «рыцарского султана»! Не знаю, является ли оно в этом отношении уникальным? Возможно, любое

поколение впадает в пессимизм, оказавшись на краю могилы и бросая своего рода прощальный взгляд на пройденный путь. Об этом пусть скажут они сами. Но про своё поколение, в той мере, конечно, в какой несу его в себе и вливаюсь в него, могу утверждать: ему хвататься нечем. Разве только тем, что оно не пало ещё ниже.

Понятие поколения обозначает некое звено процесса, развёрнутого во времени, того, что движется, растёт, развивается, тянется. Оно составляет всегда часть, не целое, находится в некоем ряду. Оно не может сознавать себя ни первым, ни последним, в этом смысле этимология слова, восходящая к кругу, круговращению, точно выражает его сущность. Оно схватывает совместную (родовую) жизнь людей прежде всего и главным образом в аспекте времени, не пространства (оно в данном случае вторично), а именно времени. У меня представление о поколении ассоциируется с волной, отчасти с морской, которая, возникая где-то в глубинах вод, движется к берегу и исчезает там, а ещё более наглядно с речной, которая бежит куда-то вперёд, убегая от той, что теснит её сзади, и стремясь догнать другую, которая несётся перед ней. (Это, возможно, связано с моим детским мировосприятием: оно было замкнуто герметичным пространством маленького аула, и только быстрая горная речка разрывала его, несясь неизвестно куда.) Являясь частью целого, поколение представляет само целое, взятое в данный миг времени, на данной стадии. Целое не состоит, не складывается из этих мгновений, стадий, оно проходит через них, находясь каждый раз в какой-то точке. К примеру, полный цикл жизни человека включает детство, юность, зрелость, старость, при этом индивид остаётся одним и тем же, он потому и остаётся тем же самым индивидом, что речь идёт не о частях, из которых он состоит, а о стадиях, через которые он проходит. Конкретность индивида как живого организма выражается, среди прочего, в том, что он, заключая в своей развёрнутой сущности все возрастные группы, каждый раз принадлежит к какой-то определённой из них. Таково же соотношение исторических организмов и составляющих его поколений, с тем, однако, немаловажным уточнением, что выделение как самих исторических организмов (типов обществ, эпох), так и составляющих их человеческих поколений является многократно более сложной проблемой, чем в случае физического развития индивидов.

Принадлежность к поколению является такой внешней, объективной характеристикой индивидов, которая становится одним из выражений их субъектной выраженности и общественной узнаваемости, своего рода печатью времени, которую они несут на себе. Люди не выбирают время, но время выбирает их, в том смысле выбирает, что поручает им пробежать очередной этап своей бесконечной эстафеты и обозначает их тем самым в качестве определённого поколения. Так объективная характеристика людей становится их субъективным предназначением. Считается, что за сто лет сменяются по крайней мере три-четыре поколения, а в период бурных изменений это может происходить намного чаще; как, например, в советские годы, когда за десять лет сложились два разных поколения – военное и послевоенное, или как происходит в современном мире в связи с невероятно быстрыми технологическими и социальными изменениями. Но каждый человек, несмотря на то что за время его жизни меняется несколько поколений, принадлежит, тем не менее, только одному из них – тому, которое вступало в историю тогда, когда случилось вступить в сознательную самостоятельную жизнь именно ему. В повседневном словоупотреблении людьми одного поколения обычно называют людей одного возраста, это на самом деле то же самое, что сказать: поколение – это современники, т. е. множество людей, которых объединило время.

Рассматривая свою жизнь в аспекте принадлежности к определённому поколению, нахожу существенным два обстоятельства: а) окончил университет в 1961 году и тогда же начал вполне взрослую самостоятельную (как говорится, на свой страх и риск) жизнь; б) жизнь моя протекала в советском обществе, советском государстве и в качестве советского челове-

ка. Для идентификации принадлежности к поколению важны оба момента: и факт начала самостоятельной жизни, и конкретные социальные условия, в которых это происходит. Советское общество было совершенно особым, сугубо экспериментальным образованием: оно осознавало и выстраивало себя в качестве исторического проекта, которое в общественной жизни руководствовалось марксистскими коммунистическими целями, а в практической деятельности – народно-хозяйственными планами. Это была страна на марше. Общие цели и практические планы в их конкретной, уточняемой каждые пять лет определённости имели для всех советских людей директивный характер. Где бы, что бы и как бы люди ни делали, они в силу самого устройства жизни должны были соотноситься с этими целями и заданиями (принимать, отвергать, обходить и т. д.). Советское общество характеризовалось ярко выраженной сменой поколений и было особо озабочено сохранением их преемственности и единства. Все было организовано таким образом, чтобы никто не оставался без целенаправленного, освещённого коммунистическими идеями общественного внимания и присмотра. Будучи историческим проектом и нацеленное на коренное изменение общественных отношений, привычных форм поведения индивидов и даже самой природы человека, вековых исторических законов, советское общество (государство) в своих целях и планах постоянно упиралось в реальность, приходило в противоречие с самой жизнью. Конфликт между идеалами и реальностью сопровождал советское общество с первых лет и лежал в основе всех его деяний, как героических, так и трагических, как побед, так и провалов. По сути дела, идея коммунизма состояла о том, чтобы и отношения в обществе и самих людей сделать другими по сравнению с тем, чем и кем они были в течение многих тысячелетий. Именно это не получалось, хотя все были согласны, что это было бы хорошо. К 1961 году конфликт этот достиг такой глубины, когда его уже было невозможно решить в первоначально заданных формах: идеалы (прокламируемые цели, лозунги, планы, задачи) и реальная жизнь разошлись между собой так сильно, что их связи начали терять действенный характер и постепенно приобретали камуфляжный, карикатурный, а то и прямо анекдотический характер. Как раз тогда, когда всё более становился очевидным контраст между сказочно прекрасными коммунистическими идеалами и убожеством жизни в условиях «окончательной и полной победы» социализма, на XXI съезде КПСС была принята новая программа, которая наметила срок в 20 лет для построения коммунизма. На нем было торжественно провозглашено, что нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме. Сейчас почти трудно в это поверить, но это факт: была поставлена в качестве реальной задача к 1980 году в нашей стране построить коммунизм (не социализм, он уже построен, а именно коммунизм). Это было сделано тогда, когда советское общество никогда не было так далеко от коммунизма. Речь шла как раз о нашем поколении. О поколении, которое, если выразиться фигурально, вступало на вахту тогда, когда корабль пошёл по ложному курсу.

Мало сказать, что советское общество имело экспериментальный характер, надо добавить: это был своего рода философский эксперимент. Оно ставило своей целью перейти от предыстории к подлинной истории, совершить скачок из царства необходимости в царство свободы. Советский проект был выдержан в духе одиннадцатого тезиса Маркса о Фейербахе. Трудности, с которыми сталкивалось советское государство в ходе его реализации, становились одновременно вызовом марксистской философской теории, которая методологически была ответственна за эту цель. Речь шла о том, чтобы заново исследовать и найти адекватное марксистское прочтение фундаментальных философских проблем соотношения субъективного и объективного, мышления и бытия, свободы и необходимости. К тому времени, когда мы в 1961 году получили дипломы, эти проблемы применительно к начавшимся кризисным процессам советского общества уже были поставлены нашими предшественника-

ми, за которыми впоследствии закрепилось наименование философов-шестидесятников. Мы в этом смысле «опоздали» на 5–7 лет.

Человеческие поколения сменяют друг друга ритмично, их можно даже нумеровать. Это относится к поколениям в семье, обществе, в других сферах. Это относится и к философии, если речь идёт не об индивидуальных творческих фигурах, а о единой преемственной линии систематически организованной академической жизни, т. е. о философах (философских работниках, исследователях, преподавателях) как единой общественной группе людей. Так, вполне можно было бы выделить в советской философии поколения, взяв, например, за единицу 10-летний период начиная с 20-х годов, и тогда мы получили бы семь поколений со своими именами, тематическими приоритетами, книгами, публичными событиями, какими-то стилистическими особенностями. Однако в таких мерно выстроенных рядах поколений всегда выделяются отдельные из них, которые возвышаются над остальными, подобно вершинам над горной грядой. Они есть и в обществе в целом, и в отдельных её областях, есть они и в философии. Они, эти выдающиеся, оставаясь в ряду поколений, неся на себе все характерные для этого особенности, в то же время выпадают из данного ряда и входят в какой-то иной ряд, который уже измеряется не отдельными поколениями, а иными единицами времени (веками, эпохами, качественными стадиями и т. д.). В истории нашей философии второй половины XX века таковой была философия шестидесятников, которая своими достижениями вышла за рамки своего поколения и предопределила большой, последний и самый плодотворный период советской философии. Мы, «десятники», которые шли за ними, можно сказать, затерялись в их тени. Вот почему в книге о философских поколениях хотел бы высказаться не о своём поколении, а предложить дополненный вариант своего очерка о советских философах-шестидесятниках [Гусейнов 2020: 176–195]. И пусть это будет словом благодарности им за все, что они сделали.

Кто такие шестидесятники?

Слово «шестидесятники» получило стихийное распространение и стало понятием, своего рода мемом, советского общественного сознания и гуманитарной лексики после одноимённой статьи литературного критика С.Б. Рассадина (журнал «Юность» за декабрь 1960 г.), посвящённой новым литературным произведениям о молодом современнике. Оно не имеет строго фиксированного значения, характеризует широкое культурное движение, привязанное к определённому поколению, родившемуся преимущественно в 20–30-х годах, и времени (канун и начало 60-х годов), когда это поколение вступило в активную общественную деятельность. Принадлежность к соответствующему поколению и времени ещё недостаточное основание для того, чтобы человек мог быть отнесён к шестидесятникам. Существенное значение имеет система ценностей и гражданская позиция. Шестидесятники именовали себя детьми XX съезда КПСС, который разоблачил культ личности Сталина и характерную для периода его правления репрессивную систему. Остаётся, на мой взгляд, открытым вопрос, двигались ли они в сторону от социализма или оставались в его рамках. По крайней мере, по своим субъективным установкам они оставались в системе советских ценностей, были привержены идеалу социализма с человеческим лицом. Для идентификации шестидесятников важно именно это движение в сторону гуманных общественных отношений, свободы творчества и личностного самовыражения. Проблема, которая стояла перед шестидесятниками, состояла в том, чтобы ответить на вопрос, как возможна и возможна ли вера в коммунизм без фанатизма, аскетизма самопожертвования, которые были свойственны поколениям Гражданской войны и первых пятилеток. Это важно также для обозначения временных рамок их деятельности.

Началом поколения шестидесятников можно считать 1956 год как год XX съезда КПСС, который вместе с прозвучавшей на ней критикой культа личности Сталина и последовавшими за ней ослаблением партийно-идеологического пресса и политикой мирного сосуществования с капиталистическим Западом стал для него легальным источником и политическим стимулом общественной активности и творческого вдохновения. Его конец растянулся от вторжения советских войск в Чехословакию в 1968 году, которое породило в их среде отрезвляющее разочарование и первые идейные расколы, до перестройки, ставшей де-факто эпохой демонтажа советского социализма в его исторически сложившихся формах.

Публичный образ шестидесятников создавался ими самими, и он является, как правило, позитивным, хотя с самого начала сопровождался критическими замечаниями, особенно усилившимися в постсоветской России. Шестидесятники – это не диссиденты. Связь между этими двумя формами и этапами гражданского сопротивления в СССР нуждается в специальном исследовании. Но в целом представляется очевидным, что по времени, да и, как оказалось, по существу, шестидесятники предшествовали диссидентам, некоторые из них стали диссидентами, но сами они как культурное явление диссидентами не были. Они оставались гуманистически ориентированными коммунистами, коммунистами-романтиками, практикующими идеалистами. Диссидентство стало следующей, акцентированно либеральной ступенью гражданской активности, последовавшей за шестидесятниками и ставшей исходной точкой для критического отношения к последним. Оно связано с правозащитной деятельностью, в то время как шестидесятники были идеологически ориентированы на гуманистическое обновление социализма.

Шестидесятники как значимое культурное явление советской истории были представлены в кинематографии, изобразительном искусстве, музыке, но наиболее широко в литературе, особенно ярко в поэзии. Они не составляли никаких формальных объединений. Если брать наиболее известные имена, которые олицетворяли шестидесятников, были их кумирами, это были отдельные ярко выраженные творческие индивидуальности. Их объединяло именно то, что они не объединялись, каждый из них был равен самому себе и своим творчеством утверждал антитоталитарный пафос. Они были как звезды, каждый сам по себе, объединяло же их небо высоких стремлений. Достаточно для примера назвать такие сегодня широко известные имена, как Евгений Евтушенко, Юрий Трифонов, Андрей Тарковский, Эрнст Неизвестный, Альфред Шнитке.

Использование понятия шестидесятников для осмысления того, что происходило в российской философии во второй половине XX века, не имеет формально закреплённой традиции, как, впрочем, и всё, что связано с шестидесятничеством как общественным феноменом. Тем не менее оно не является искусственным. Дело не только в том, что молодые исследователи, которые обозначили эпоху перемен в философии, дышали тем же воздухом надежд, что и молодые деятели культуры, и круги их персональных общений часто перекрещивались (так, например, Александр Зиновьев и Мераб Мамардашвили были частыми гостями в мастерской скульптора Эрнста Неизвестного, будущий известный режиссёр Григорий Чухрай присутствовал на защите диссертации Зиновьева). Более существенно другое. Философия марксизма имела в стране статус государственной идеологии, и поэтому то, что происходило в философской среде, как понималась сама философия и её место в человеческой жизнедеятельности, не было узкопрофессиональным делом, представляло непосредственный и широкий общественный интерес. Рассмотрение изменений философии в качестве составной части движения шестидесятников позволяет выделить в ней качественные изменения, которые произошли именно в это время, а также более явно обозначить их исторический контекст и социально-нравственный пафос. К тому же перенесение обозначений литературных процессов на область философии является для русской культуры делом вполне традиционным. Существует много таких примеров, один

из последних и самых ярких – широко уже принятая характеристика философии начала XX века как философии Серебряного века: термин «Серебряный век» был первоначально введён для обозначения поэзии XX века, в отличие от поэзии XIX (золотого, пушкинского) столетия.

Как началось и в чём заключалось обновление философии?

То, чем была философия в советском обществе, подобно самому этому обществу, следует рассматривать как нечто единственное в своём роде. Привычные критерии и оценки в данном случае не подходят. И если в истории европейской культуры были опыты, которые могли бы стать опорой или хотя бы точкой отсчёта для анализа советского эксперимента, то это были сугубо интеллектуальные утопии. Единственной зацепкой в реальной истории, к которой апеллировали основоположники марксизма, был 72-дневный опыт Парижской коммуны. Он вполне мог быть отнесён к разряду исторических случайностей. Здесь же речь шла о том, чтобы огромную страну в одну шестую земной суши, каковой была Советская Россия, а вслед за ней и всю планету возвысить до марксистской утопии – места для осуществления коммунистического идеала. В полном соответствии со знаменитым одиннадцатым тезисом Маркса – не объяснять мир, а изменять его, преобразовывать и подчищать под марксистскую истину.

О том, что мир – и общество, и человека, и даже природу – надо менять по Марксу, не было сомнения. Ведь ради этого и затевалась социалистическая революция. Предстояло лишь выяснить, остаётся ли место для философии в системе марксистского учения. Именно этот вопрос стал предметом споров в 20-е годы (первое десятилетие нового общественного устройства) после того, как насильственно была прекращена деятельность традиционных философских институций и немарксистских философских школ. Противостояли две точки зрения, одна из которых полагала, что новая пролетарская культура основывается на сугубо научных знаниях и изживает (отбрасывает) философию как ложную форму сознания, другая исходила из того, что сама философия может быть научной, каковой она и становится в марксизме. Победил высказанный Лениным ещё до революции взгляд, согласно которому философия является одной из составных частей марксизма и уходит своими корнями в немецкую классическую философию.

Поскольку советское общество считалось марксистским проектом, то и философия марксизма в форме общеобязательной государственной идеологии должна была стать составной частью этого проекта. Для того чтобы осуществить такое превращение и придать философии форму идеологии, необходимо было решить как минимум несколько задач. Во-первых, объявить её единственно и бесспорно истинной. Во-вторых, свести к некой вполне обозримой и легко усваиваемой сумме догм, которая могла бы стать своеобразным светским символом веры. В-третьих, создать соответствующую организационно-пропагандистскую инфраструктуру, призванную внедрить эту философию в массы. В рамках такого понимания сути философии и её места в обществе дело самих философов состояло в том, чтобы доказывать чистоту учения и стоять на его страже, свести его содержание к ограниченной совокупности чётких легко усваиваемых догм и занять своё место в социальном механизме по их внедрению в сознание людей. Обоснование безусловной истинности марксистской философии вызывало трудности, ибо это было связано с интерпретацией текстов классиков, а они были отнюдь не однозначны и вызывали споры. С их догматическим упорядочением возникало ещё больше трудностей, ибо ряд высказываний прямо этому противоречил, в частности известное, повторённое затем Лениным высказывание Ф. Энгельса о том, что марксизм – не догма, а руководство к действию. Но выход был найден за пределами содержательных дискуссий. Вопрос о философии был признан слишком серьёзным, чтобы пору-

чать его философам, и он из академических аудиторий был перенесён в сферу публичной политики. Первые две из названных выше задач были решены созданием краткого сталинского резюме философии марксизма под названием «О диалектическом и историческом материализме», в котором диалектический материализм был провозглашён мировоззрением коммунистической партии и сведён к четырём чертам диалектического метода, трём чертам философского материализма и трём особенностям последнего в применении к обществу. Для решения третьей задачи были созданы соответствующие кафедры, институты, журналы, просветительские общества, разветвлённая и массовая сеть политического просвещения. Философская жизнь во всех её проявлениях (и как область знания, и как учебный предмет, и как форма общественного сознания, с которой имеют дело учёные, деятели культуры, простые люди) была взята под непосредственный контроль правящей партии и прямо подчинена политической злободневности.

Наиболее полно, можно даже сказать, «образцово» сведение философии к идеологии было осуществлено в 30-е и 40-е годы. Философия в собственном смысле слова в эти годы фактически была убита. Были лишь отдельные проблески, как, например, трёхтомная история философии (1940–1943). В целом же конкретные философские темы, дискуссии, книги диктовались партийными инстанциями и решениями, были обоснованием необходимости и мудрости очередных задач, таких как коллективизация, индустриализация, борьба с врагами народа и прочими вещами, которые никак не входят в круг философских вопросов. Изменился сам язык философских работ: философы не исследовали, не рассматривали, не спорили – они воевали, боролись, разоблачали, восхваляли. «Краткий курс истории ВКП(б)», один из разделов которого составлял названный выше философский текст Сталина, постановлением ЦК ВКП(б) от 14 ноября 1938 года был объявлен «энциклопедией философских знаний в области марксизма-ленинизма», не допускающей «никаких произвольных толкований» [КПСС в резолюциях... 1954]. Если можно говорить о советской философии как особом идеологическом конструкте (в отличие от философии в советский период российской истории), то именно об официальной философии 30–40-х годов. И если есть какая-то наиболее характерная для неё черта, так это именно последовательный догматизм, исключаяющий какое-либо самостоятельное и ответственное суждение.

Опыт советской философии этого периода обладает несомненной негативной ценностью, он показателен как свидетельство того, что может стать с философией, когда она трансформируется в идеологию, какой бы сама по себе эта последняя ни была. Сам факт подчинённости идеологии становится для философии убийственным. К концу 40-х – началу 50-х годов отечественная философия заостенела до такой степени, что она не только не смела, но и не могла уже родить ни одной живой мысли. Появление двух новых теоретических работ Сталина, «Марксизм и вопросы языкознания» в 1950 году и «Экономические проблемы социализма в СССР» в 1952 году, а также мгновенная и всеобъемлющая реакция печатной и устной индустрии, которая вся сосредоточилась на их безудержном восхвалении, включая сплошную перекройку всех учебных программ, наглядно показало, что сами философы и их институции уже полностью лишены права на теорию. И если было возможно дальнейшее движение в рамках философии, то оно могло состоять только в том, чтобы вернуть философии право быть философией. Оно не могло быть продолжением того, чем стала философия в эти годы, а решительным и полным разрывом с ней. Так и произошло. Сам тот факт, что падение философии достигло дна, обернулось для неё благом и обусловило её движение в обратном направлении.

Точкой разрыва стали два события на философском факультете Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, связанные с именами двух его выпускников – Эвальда Васильевича Ильенкова (1924–1979) и Александра Александровича Зиновьева

(1922–2006), первый из которых был в это время ассистентом кафедры зарубежной философии, второй – аспирантом кафедры логики. Они случились в 1954 году. Обдумывая, почему именно эти два тогда ещё молодых человека стали героями отечественной философии, следует отметить, разумеется, их личные качества – витальную силу, гениальную одарённость каждого из них. Однако, по-видимому, ещё более важным было то, что оба они в качестве боевых офицеров (Ильенков как артиллерист, Зиновьев как лётчик) прошли дорогами страшной войны, дойдя до Берлина. Они знали цену жизни, знали, что жизнь одна и в своём человеческом качестве требует мужественной борьбы, в которой на кону стоит она сама. У них, как показало их поведение в те и последующие годы, было осознание необычайной серьёзности своей миссии, состоящей в причастности такому великому делу, как философия. Их серьёзность была серьёзностью Атланта, поддерживающего небосвод. Они исходили из убеждения, что от правильного понимания философии зависит правильное устройство общества. Их личные качества и фронтовая судьба не объясняют, конечно, происшедшие тогда события в их историческом значении (индивидуальные человеческие поступки в принципе не могут быть объяснены как необходимые), но они составляют важные штрихи к общей картине.

Эвальд Ильенков совместно со своим коллегой Валентином Коровиковым (впоследствии ушёл из философии и стал известным в стране журналистом-международником) выступил на теоретическом семинаре, которым руководил профессор Т.И. Ойзерман (1914–2017), с тезисами на тему: «К вопросу о взаимосвязи философии и знаний о природе и обществе в процессе их исторического развития». В них обосновывалось положение, согласно которому, как свидетельствует весь опыт истории философии, философия имеет дело с мышлением, ее объективным содержанием и подлинным предметом является исследование логических категорий, фиксирующих научно-теоретическое познание мира. Основным выводом авторов, за который они были подвергнуты разгромной критике со стороны факультетской профессуры и заклеяны в качестве «гносеологов», заключался в следующем:

«В своей чистоте и абстрактности законы диалектики могут быть исследованы и вычленены лишь философией как логические категории, как закон диалектического мышления. Лишь делая своим предметом теоретическое мышление, процесс познания, философия включает в своё рассмотрение и наиболее общие характеристики бытия, а не наоборот, как это часто изображают. Философия и есть наука о научном мышлении, его законах и формах» [Ильенков, Коровиков 2016: 146].

Обсуждение тезисов продолжалась ряд недель. Первоначально оно протекало спокойно, даже вяло. Однако неожиданно пришло негласное указание из высшей партийной инстанции прекратить дискуссию. Руководитель семинара благоразумно решил так и сделать. Молодые участники этому воспротивились и решительно потребовали продолжить обсуждение. Здесь наглядно обозначилась линия противостояния: с одной стороны – факультетская профессура, которая, не принимая тезисы, осуждая их, выходя при этом далеко за рамки академического приличия и не гнушаясь идеологических ярлыков, хотела исключить саму ситуацию дискуссии, с другой – группа молодых аспирантов и исследователей, горячо поддерживавших высказанные идеи и требовавших открытого спора. Среди последних был также Александр Зиновьев, который, согласно свидетельству Г. Щедровицкого, именно там в завершение своего выступления произнёс фразу, ставшую впоследствии крылатой и вошедшей в широко популярный в те годы философский фольклор: «Если бы Маркс был жив, он бы к своим одиннадцати тезисам добавил двенадцатый: раньше буржуазные философы объясняли мир, а советские философы и этого не делают» [Щедровицкий 2001]. Ближайшим формальным итогом этой дискуссии стало изгнание Ильенкова из университета и решение Учёного совета факультета, один из пунктов которого обязывал деканат «принять

решительные меры против дальнейшего распространения антимарксистских идей на факультете, связанных с тезисами» [Ильенков, Коровиков 2016: 63]. Долгосрочным и существенным её результатом стало то, что в советской философии началась новая эпоха.

Второе событие состоялось через четыре месяца, в сентябре того же года. Это была защита кандидатской диссертации Александра Зиновьева на тему «Восхождение от абстрактному к конкретному (на материале “Капитала” К. Маркса)» [Зиновьев 2002]. Защита несколько раз откладывалась, проходила в несколько дней в битком набитой аудитории, в присутствии большого числа студентов. Диссертация представляла собой значительно превышающее привычный объем подобных работ основательное монографическое исследование, в ней основной упор был сделан на структуре и конкретном механизме диалектического метода. Автор вычленил логическую структуру произведения Маркса и рассматривал восхождение как сложный и дифференцированный исследовательский приём, который не является чем-то наподобие большого силлогизма, который можно распространять на различные частные области знания, напротив, он предполагает каждый раз учёт всей совокупности развития соответствующей науки. Защита превратилась в острую полемику [см. текст стенограммы URL: <http://www.ergojournal.ru/?p=2613>], по общему духу и персональному составу участников повторявшую противостояние, которое чётко обозначилось в процессе обсуждения тезисов Ильенкова и Коровикова. В поддержку Зиновьева выступили его молодые сторонники, в частности известные в последующем философы М. Мамардашвили, Г. Щедровицкий, Б. Грушин, по одному из свидетельств [Лекторский 2016: 9], также Э. Ильенков. С критикой выступили маститые сторонники догматической философии, понимавшие её как совокупность общих положений, универсально значимых и даже обладающих объяснительным потенциалом по отношению к конкретным областям знания. Их не устраивал сам аналитический стиль мышления Зиновьева, заведующий кафедрой логики В.И. Черкесов в своём выступлении прямо так и сказал: «Стиль диссертации нехороший. Это не “марксовский” стиль, а “зиновьевский”». Диссертация Зиновьева в итоге была утверждена², но сам он был вынужден уйти из университета.

Так, ещё до наступления 60-х годов и до XX съезда КПСС зарождается философия шестидесятников, которая стала своего рода ренессансом, новым началом отечественной философии. Характеризуя её особенности, которые можно наблюдать уже в самих её истоках, следует отметить следующие моменты.

Прежде всего, существенное значение имело обращение к проблемам мышления и понимание философии как учения о мышлении. Вот свидетельства двух известных профессоров философии, студенческая юность которых совпала с описываемыми выше событиями. Ильенков и Зиновьев, как пишет В.А. Лекторский, «открыли для нашей философии новое по тем временам исследовательское поле: логика построения и развития научной теории, методы этого развития, взаимоотношение теоретического и эмпирического знания, логики исследования и логики изложения и т. д. Иными словами, речь шла о теории научного познания» [Лекторский 2017: 326]. В.П. Шестаков, отметив, что Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев возглавили «революцию» против «догматического марксизма-ленинизма», подчёркивает: «Они открыли дорогу новой философской проблематике, связанной с методологией мышления и научного познания» [Шестаков 2017: 206]. Дело не просто в том, что новой проблематикой и характером её постановки молодые философы тематически отмежевывались от того, что делалось до них, хотя и это само по себе имело значение. Более важно было то, что они возвращали философию в её собственное лоно, проблематизировали то, что считалось окончательно решённым марксизмом, – понимание предмета философии и её мето-

² Её издание удалось осуществить только в 2002 году в качестве подарка Института философии к 80-летию своего к этому времени уже всемирно известного научного сотрудника [см.: Зиновьев Восхождение...].

дов, демонстрировали такую технику анализа и обоснованности суждений, которые низводили на нет цитатный метод доказательств и уличающий метод полемики, требовали детального знания истории философии и хорошей логической подготовки. Речь шла о принципиально ином уровне профессионального самосознания и исследовательской культуры.

Философия шестидесятников своими исследовательскими приоритетами высвобождалась от прямого идеологического диктата, восстанавливала в правах собственный предмет философских суждений и критерии оценки их добротности. Она одновременно заключала в себе социально-освободительный заряд, прямо вписывалась в процесс десталинизации общественной жизни, который стихийно протекал в различных областях культуры и уже на определённом этапе развития был подхвачен и сознательно выражен на XX съезде КПСС. Она вписывалась в антитоталитарный общественный контекст не наряду и помимо своих собственно философских исследований, а именно самими этими исследованиями. Сосредоточившись в первую очередь на проблемах методологии и научного мышления, гносеологии, философии науки, философы решали одну, в высшей степени актуальную задачу бытия человека в мире: обосновывали суверенное право разума на истину, его возможности и роль как всеобщего (демократического) пути к ней. Более детальный анализ³ требует ответа на вопрос, в какой мере исследователи адаптировали достижения европейской философии к российской реальности, в какой самостоятельно развивали рассматриваемые проблемы, каковы были заслуги каждого из них. Здесь же, давая общую историческую характеристику, хочется отметить, что в целом это было философское движение просвещенческого типа. Его девиз можно было бы сформулировать так: «Человек может жить своим умом и должен жить им». Задача же философии – обосновать это. Следует особо подчеркнуть: философия шестидесятников представляла собой интеллектуальное движение и, одновременно, являлась общественной позицией, за которую приходилось бороться и приходилось платить, как заплатили оба мыслителя, стоявшие у её истоков и находившиеся в её центре (Зиновьев был изгнан из страны, Ильенков доведён до самоубийства).

После смерти Сталина в Советском Союзе начался процесс, получивший в обществе название оттепели. Оттепелью в первоначальном и прямом смысле слова обозначается особое погодное состояние – повышение температуры зимой или ранней весной, сопровождаемое таянием снега и льда. «Оттепелью» Илья Эренбург назвал повесть 1954 года, в которой этот писатель-публицист с чутким социальным нюхом описывал намечающиеся в жизни изменения. Этот термин стихийно, фактически по той же схеме, по какой чуть позже возник термин «шестидесятники», получил широкое распространение в общественном сознании и стал, если можно так выразиться, народным обозначением процесса десталинизации. Его обычно связывают с именем тогдашнего руководителя партии и страны Н.С. Хрущева и называют хрущевской оттепелью. Речь шла о целенаправленном ослаблении политических, административных и, прежде всего, репрессивных механизмов во всех областях жизни, осуждении массовых репрессий, включая развенчание культа самого Сталина как ответственного за них, относительной либерализации общественного поведения и свободе творческой деятельности, переходе в международных делах к политике мирного сосуществования. Словом, это было изменение, охватывающее все стороны жизни и касающееся самой идеологии

³ Такой анализ применительно к наиболее выдающимся представителям рассматриваемого этапа проведён в совместном многотомном научно-издательском проекте Института философии РАН и некоммерческого научного фонда «Институт развития им. Г.П. Щедровицкого»: Философия России второй половины XX века / Гл. ред. В.А. Лекторский. М.: РОССПЭН, 2009–2010. В серию входят тома, имеющие каждый своего редактора и посвященные рассмотрению идей, высказанных А.Ф. Лосевым, М.М. Бахтиным, В.Ф. Асмусом, С.Л. Рубинштейном, Б.М. Кедровым, Э.В. Ильенковым, А.А. Зиновьевым, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фроловым, П.В. Копниным, В.С. Библером, Г.П. Щедровицким, М.А. Лифшицем, Г.С. Батищевым, М.К. Петровым, В.А. Смирновым, Э.Г. Юдиным, Ю.М. Лотманом, Л.Н. Митрохиным.

общественного устройства. Его суть состояла в следующем. Модель советского режима, окончательно оформившаяся в 30–40-е годы, держалась на идеологии безусловного приоритета общественных интересов перед личными и групповыми интересами. При этом предполагалось, что выразителями и носителями общественных интересов являются высшие партийные и государственные инстанции. Отдельные люди рассматривались как элементы (винтики) единого государственного механизма, место которых в нем определяется теми, кто управляет этим механизмом. Десталинизация (оттепель) означала высвобождение личности, её частной жизни и форм общественного самовыражения от тотального внешнего политикорепрессивного контроля. Речь шла о том, чтобы на деле было так, как пелось в популярной песне, и человек мог вольно дышать в своей стране⁴. Философы-шестидесятники, заложившие начало нового интеллектуального движения, отвечали на этот вызов. Они расширили критику культа личности Сталина до необходимости возвращения личностного достоинства и статуса каждому человеку, что в первую очередь предполагает его интеллектуально-нравственную зрелость, самостоятельность в мыслях и действиях. Сосредоточившись на серьёзном, основательном исследовании проблем познания, мышления, научной методологии, философы, по сути дела, исходили из критики всякого культа, необходимости решительного отказа от патернализма в интеллектуальной сфере. Они боролись за свободу мысли, доказывая, что критерии разума, истины, научности, доказательности суть нечто более основательное, высокое и достойное, чем идеологические критерии классово-партийности, политической целесообразности. Они обосновывали право человека на самостоятельное и ответственное суждение, его право жить своим умом.

Логико-гносеологические проблемы, вопросы философии науки на первый взгляд выглядели как относительно безопасная зона исследовательской работы в области философии. Они отчасти и были таковыми, ибо отстояли далеко от непосредственной политико-идеологической злободневности и партийной пропаганды. Эта область философии также была защищена тем, что требовала специальной подготовки и потому оказывалась недосягаемой для идеологически мотивированной критики со стороны обычно малограмотных партийных демагогов. Эти соображения имели, конечно, какое-то субъективно мотивирующее значение. В действительности же именно логико-методологическая область философии заключала в себе колоссальный социально-критический заряд, более мощный, чем прямые публицистические выпады, которые сами по себе, разумеется, также важны. Речь шла об обосновании автономии человеческого разума, о том, чтобы авторитет и силу разума противопоставить авторитету и силе власти. И философы-шестидесятники понимали общественный смысл того, что они делали. Они в этом смысле в конкретных условиях своей страны повторили путь и логику развития европейской философии Нового времени, которая борьбу за эмансипацию разума и индивидуально-ответственное существование человека начала с обоснования научного метода мышления, с «Нового органа» Бэкона, с «Рассуждения о методе» Декарта, с «Критики чистого разума» Канта.

Гамбургский счёт философии

Философия шестидесятников – не вся философия России второй половины XX века. Она является лишь её частью, наиболее продуктивной, достойной, но лишь частью. По объёму это была незначительная часть, что-то наподобие тёплого Гольфстрима в океане холодного океана. Собственно, поскольку мы не замыкаем понятие философии шестидесятников ни на поколение, ни на конкретное время, а связываем его с антидогматическим гума-

⁴ Имеется в виду популярная советская «Песня о Родине» композитора И. Дунаевского и поэта В. Лебедева-Кумача, первые слова которой – «широка страна моя родная» – стали её вторым названием и в которой были строчки: «я другой такой страны не знаю, где так вольно дышит человек».

нистическим поворотом отечественной философии и новыми исследовательскими перспективами, порождёнными этим поворотом, то под него, по сути дела, попадают все относящиеся к этому времени философские достижения. Речь шла о новом векторе и уровне философских исследований, но не об изменении философской жизни и среды в целом. Механизмы управления умами, выработанные в прежний период, ослабли, но они сохранялись. Как пишет и одновременно свидетельствует академик В.С. Стёпин, сам видный представитель шестидесятников, «идеологический контроль за философией сохранялся, но он был связан со значительно меньшим уровнем репрессивности и часто ограничивался требованием лишь внешнего идеологического оформления философских трудов» [Стёпин 2011: 288]. Преподавание философии продолжало вестись по единым, центрально утверждённым программам и учебникам, находиться под постоянным, временами даже усиливающимся партийным контролем (например, в брежневскую эпоху даже ввели правило принимать студентов на философские факультеты только по рекомендациям партийных органов). Руководители философских учреждений и даже научных подразделений или назначались партийными органами, или прямо находились под их контролем. Партийные инстанции вмешивались также в тематику исследований. В целом философская жизнь оставалась в зоне партийной идеологии и партийного контроля. И философы-шестидесятники с идеей суверенного разума и развитым чувством профессионального достоинства составляли в общей философской массе лишь небольшую долю. Как пишет одна из активных участниц философского движения шестидесятников профессор Н.В. Мотрошилова, внутри философии в СССР «на целые десятилетия растянулось сложившееся начиная с 50-х гг. причудливое и болезненное сосуществование-противостояние официального, идеологически ортодоксального и неофициального, неортодоксального сообществ» [Мотрошилова 2017: 311].

Для понимания нашего предмета, в том числе для адекватного прочтения самих текстов шестидесятников, которые писались в рамках марксистской традиции или, по крайней мере, маркировались под неё, эта раздвоенность имеет важное значение. Речь шла о наличии двух уровней (реестров) признаний: официального и неофициального. Неофициальный уровень не был нелегальным, он существовал в рамках государственно санкционированной философской деятельности как некое её внутреннее измерение, своего рода гамбургский счёт – знание фактических масштабов, не показных, не фасадных, а действительных достижений философов, которыми владело и во многих случаях реально пользовалось само профессиональное сообщество. Это, как правило, также выражалось в расхождении между официальной иерархией философских авторитетов, зафиксированных через посредство различных общественных привилегий, и действительными авторитетами в самой философской среде. Особо следует подчеркнуть, что такая раздвоенность не тождественна различию между философской эзотерикой и экзотерикой. Последнее вытекает из особого места философии в культуре, оно определяется тем, пишет (говорит) ли философ на своём собственном, понятийно и терминологически выверенном или на общедоступном естественном языке, остаётся ли он в рамках своей школы, узкопрофессиональной среды или выходит на широкую публику. Что касается раздвоенности в рамках советской философии, то она обусловлена не спецификой философии, а спецификой общественных условий, в которых она существовала. Можно предположить, что она неизбежна для всякой идеологически контролируемой философии. В какой-то очень слабой форме она была характерна и для советской философии 30–40-х годов, когда она существовала не только под идеологическим прессом, но и под страхом физических репрессий. И тогда отдельным философам удавалось вести профессиональную работу подобно тому, как отдельным растениям удаётся пробиться сквозь асфальт, и в те годы были специалисты, как, например, профессор В.Ф. Асмус, которые качеством своего творчества выделялись из общего ряда, задавали другой уровень и их реальный авторитет в профессиональной

среде был несравненно выше их публичного статуса. Философский гамбургский счёт существовал в эти годы в очень слабо выраженной форме.

Дело существенно изменилось в следующий период, когда альтернативная, выстроенная по гамбургскому счёту философия шестидесятников стала сравнительно широкой и заметной тенденцией в философском сообществе, фактически была легализована, приобрела полуофициальный статус. Философия шестидесятников была представлена не отдельными фигурами, а большой группой авторов (прежде всего научных работников), разбросанной по всей стране и находящейся в явной или скрытой оппозиции к официально-партийной философии. Линии, разделяющие два уровня (среза) философской жизни, были достаточно чётко прочерчены. Они представляли разные поколения: старшему поколению, олицетворявшему официальную философию, противостояла философская молодёжь, окончившая университеты в начале 50-х годов, хотя, разумеется, были представители старшего поколения, которые активно включились в новое движение, как, впрочем, и молодые философы, которые придерживались официально предписанных позиций. Отчасти они были также институционально разведены: средоточием официальной, идеологически ориентированной философии были партийные учебные и научные заведения, а также в значительной мере университетские кафедры⁵, находившиеся под жёстким партийным прессом, альтернативная философия была по преимуществу сосредоточена в академических институтах, прежде всего в Институте философии Академии наук СССР, где получили прибежище в качестве рядовых научных сотрудников изгнанные из университета Э. Ильенков и А. Зиновьев. Различным был их творческий потенциал и профессиональный кругозор: официальная философия не шла дальше философских обобщений в трудах Ф. Энгельса и В.И. Ленина, философы-шестидесятники начали с нового прочтения трудов К. Маркса, в том числе его ранних произведений, поднялись от него к Гегелю, Канту, Спинозе, другим представителям философской классики, широко опирались на достижения науки, западной философии XX века. Философы-шестидесятники выделялись из общей массы своих коллег-преподавателей и научных работников уровнем исследовательской культуры, профессионализмом. Они принесли с собой не только новую тематику, но и новый, более высокий уровень исследовательского труда. Они, несомненно, выделялись из общей массы коллег самым отношением к философии как к исключительно серьёзному и ответственному делу. И они осознавали, в известном смысле, даже культивировали свою интеллектуальную элитарность. Официально-партийная философия и полуофициальная философия шестидесятников составляли два разных круга общения, по сути дела представляли собой параллельные миры, пересечения которых оборачивались нередко общественными конфликтами и человеческими деструкциями.

Идеологическая скованность философской жизни, неизбежно вызывавшая её раздвоение, означала, что честная профессиональная работа в области философии требовала от её работников особых дополнительных качеств: акцентированной человеческой порядочности, запрещающей пользоваться аргументами, которые чреватые чиновничьими репрессиями, не говоря уже о более суровых; развитого чувства профессионального достоинства; отсут-

⁵ Локализацию философии шестидесятников точно обозначил профессор Э.Ю. Соловьев, активный и яркий представитель этого движения: «На Моховой 11 (таков тогдашний адрес философского факультета МГУ) проект философского обновления всего лишь чудесным образом родился. Он походил на островок витаминного салата, который образовался вдруг в сыром погребе, в соседстве с плесенью; образовался, но не мог не погибнуть в столь гиблом месте. Теплицами же, где проект выжил и начал осуществляться, стали, например, Институт психологии при Министерстве образования, новая редакция „Философской энциклопедии“, философский факультет Ростовского университета, а где-то с начала 60-х – редакция международного журнала „Проблемы мира и социализма“, размещавшегося в Праге. Но главная делянка, защищённая от весенних заморозков, разумеется, находилась на Волхонке, 14, в здании, где помещался Институт философии АН СССР и редакция его печатного органа, журнала „Вопросы философии“» [Соловьев 2017: 92–93].

ствия чрезмерных карьерных амбиций, превышающих саму возможность заниматься философским трудом; товарищеской поддержки и надёжности, являющимися прямым продолжением профессиональной солидарности и совместной работы. Философы-шестидесятники составляли особую среду, негласное сообщество, своего рода «параллельный полис», если воспользоваться термином В. Гавела. В их случае профессиональные связи дополнялись и переплетались дружескими, личными отношениями, само занятие философией воспринималось как миссия, жизненная позиция. Они помимо чисто профессиональных вещей были объединены стремлением взаимно поддерживать, защищать друг друга.

Они, как и вообще все творческие люди, конечно, профессионально ревновали друг друга, у них, как у всех нормальных людей, были сложные отношения на персональном уровне. Объединяющей их силой было не творческое взаимопонимание и сотрудничество (в этом отношении они оставались индивидуалистами и во многих случаях находились в отношениях внутренней конкуренции), а общая критическая настроенность к социальным порядкам, которая локализовалась в противостоянии официальной догматизированной философии, борьбе с ней и, в особенности, борьбе с тем административным режимом, в рамках которого протекала философская жизнь. Чтобы выстоять, защитить своё право на свободную интеллектуальную деятельность, на то, чтобы заниматься философией по критериям самой философии, чтобы вырвать философию из лап административно-идеологической системы, для всего этого философы-шестидесятники должны были поддерживать друг друга, образовывать некую новую среду, которая могла бы стать центром притяжения для всех, кто хотел честно заниматься философским делом. Философская жизнь 50–80-х годов полна эпизодов, как они солидарно противостояли партийно-административным разборкам, поддерживали друг друга, обнаруживая креативность не только в научных занятиях, но и в жизненной борьбе. Об этом достаточно много рассказано [См.: Мамчур и др. 1997; Митрохин 2005; Гулыга 2000; Философия не кончается 1998]. Такой стиль был задан изначально основателями философии шестидесятников Ильенковым и Зиновьевым. На философском факультете к началу 50-х годов, как пишет Г.П. Щедровицкий, сам активный участник тех событий,

...уже сложились и существовали две чётко сознававшие себя группы. Это группа Эвальда Ильенкова, группа, в общем-то неогегельянского толка, её работы зиждились на принципе тождества бытия и мышления, и этим определялось всё, и группа Александра Зиновьева, которая отрицала принцип тождества бытия и мышления и исходила из достаточно жёсткого и чёткого противопоставления, с одной стороны, мира бытия, а с другой – мира мышления. ...Но при этом обе группы жили единой, очень тесной жизнью, т. е. это не была жизнь двух коллективов, сформированных в оппозиции друг к другу [Щедровицкий 2001: 18].

Выдающиеся философы-шестидесятники

Зачинатели нового философского движения Эвальд Ильенков и Александр Зиновьев стали одновременно его центральными фигурами. Они обозначили и своим творчеством продвинули вперёд две полемизирующие между собой линии философских исследований, которые, в общем и целом, можно соотнести с различием, известным в западноевропейской философии как различие между континентальной и аналитической философией.

Ильенков был марксистским философом и в этом качестве подвергался критике и разного рода ограничениям со стороны официальных структур. Его «вина» была не только в том, что он давал своё понимание философии марксизма, но ещё и в том, что тем самым он оспаривал существующую в коммунистическом движении практику, согласно которой моно-

польное право на толкование марксизма имели только партийные вожди. «Он как бы объявил им бой на их собственной территории, оспаривал их право на эту территорию, что по тем временам было намного опаснее любой немарксистской крамолы» [Межуев 2017: 270]. Он развивал философию как теорию диалектики, а основой диалектики считал восхождение к конкретному, понятому как богатство мира культуры. Существенную роль в его учении играла идущая от Спинозы и Гегеля идея тождества бытия и мышления и материалистическое истолкование идеального, которое объективировано в общественных формах человеческого существования и не может быть объяснено исходя из психофизиологической природы индивида. Он был акцентированным и злым критиком позитивизма. Исходя из источников, идей, названий основных трудов («Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении»; «Диалектическая логика. Очерки истории и теории»; «Диалектика идеального») может показаться, что Ильенков является традиционным академическим философом и в нем нет ничего марксистского и советского, и его можно было бы, например, назвать, как иногда встречается в литературе, гегельянцем. В действительности, конечно, это не так. Он диалектику напрямую связывал с учением о коммунизме, с преодолением отчуждения человека от результатов своей деятельности, в позитивизме видел теоретическое выражение буржуазной ограниченности. Ильенков был марксистом и как мыслитель мог появиться именно в советском обществе. Вся его философия является по существу теоретической критикой советского общества с позиций коммунистического идеала, неслучайно он много уделял внимания проблемам педагогики, этики и эстетики.

Ильенков имел своих учеников, однако его роль и значение в современной отечественной философии значительно шире. Он оказал влияние на всю философскую атмосферу в стране, став своего рода культовой фигурой, заложил традицию диалектической философии, в рамках которой появились такие оригинальные мыслители, как Г. Батищев, В. Лекторский, Ж. Абдильдин и др. Интерес к нему в России со временем не угасает, в последние годы даже возрос. Его творчество получает известность также за рубежом. Однако чем дальше, тем больше он и в стране, и в мире воспринимается как философ в классическом понимании, в отрыве от вдохновлявшего его коммунистического пафоса.

Другой полюс исследовательской деятельности представлял друг-оппонент Ильенкова Александр Зиновьев, девизом которого была научность философии. Зиновьев сосредоточился на проблемах современной логики и методологии науки. Его первая из шести монографий по этой тематике «Философские основы многозначной логики» (1960), изданная во многих странах, включая США, вывела его в число специалистов мировой величины. Он создал собственную концепцию логики, названную им комплексной логикой. Исходя из понимания логики, законы которой имеют универсальный характер, он показал, что в науке не должно быть проблем, неразрешимых по вине логики. Он выступал против спекулятивной философии, допускающей многозначность толкований понятий и утверждений, и, идентифицируя себя в качестве логика, даже говорил, что он не является философом. Важным аспектом его комплексной логики является расширение предмета логики за счёт включения в неё обработки понятийного аппарата эмпирических наук. Она, в частности, включает в себя логическую геометрию, логическую физику, а также разработанную им позже логическую социологию.

У Зиновьева сложилась своя логическая школа, были свои ученики. Более важно, что он в высшей степени плодотворно и успешно продемонстрировал образец другого, чем Ильенков и его школа, понимания философии, сведя ее к логике как науке о правилах языка.

Обозначенные выше тенденции в рамках философии шестидесятников не были как-то, пусть даже неформально, выделены в виде академических школ, сообществ; более того, даже личные круги общения не совпадали с теоретическими приоритетами. Философы-шестиде-

сятники реально функционировали как уважающие, профессионально признающие друг друга, даже объективно влияющие друг на друга, поскольку находились между собой во внутренней полемике, но тем не менее самостоятельные и в своём творчестве совершенно автономные мыслители. Каждый из них заслуживает отдельного и специального обсуждения. В этом очерке, посвящённом философии шестидесятников как общественному явлению, следовало бы кратко остановиться ещё на трёх именах: Г.П. Щедровицком, М.К. Мамардашвили, И.Т. Фролове. Все трое были яркими, известными всей стране фигурами философии шестидесятников и сохраняют общественное влияние вплоть до наших дней.

Георгий Петрович Щедровицкий (1929–1994) оставил творческий след во многих гуманитарных областях (психологии, педагогике, философии науки и техники, языкознании), но прежде всего в той, которую сам создал и которую можно обозначить как универсальную методологию мышления и деятельности. В понимании бытия и сознания он исходил из приоритета деятельностного подхода перед натуралистическим, а отчасти и перед гносеологическим. Для него мир мышления и деятельности и есть первичный мир. Сами же мышление и деятельность людей, по его мнению, во всех их разновидностях базируются на единой методологии, общую и единую теорию которой он и пытался создать. Он считал методологию высшей формой такой организации мира мышления и деятельности, которая создаёт целостную картину, чего уже, по его мнению, не способны сделать ни наука, ни связанная с ней традиционная философия. Он ввёл понятие системной мыследеятельности и разработал особую форму её коллективной организации – организационно-деятельностные игры, которые стали его исследовательской лабораторией и одновременно формой оптимизации практики управления в тех сферах деятельности, которым они были посвящены. Сам Щедровицкий провёл более девяноста таких игр. Созданный и руководимый им Московский методологический кружок, через который в разные годы прошли тысячи людей и работа которого продолжается усилиями его учеников, стал основой методологического движения в стране, имеющего заметный общественный резонанс. Щедровицкий был вдохновлён идеей создания интеллектуальной элиты и сам стремился создать её, рассматривая, прежде всего, себя в качестве такой (единственной в мире) фигуры и разрабатывая теорию своеобразной инженерии мышления и управления в процессе формирования самих специалистов такого же рода, именуемых методологами. Его опыт можно считать успешным в том отношении, что многие из тех, которые прошли ковку в «кузнице» его семинаров и игр, стали влиятельными управленцами в современной России.

Мераб Константинович Мамардашвили (1930–1990) был, если можно так выразиться, чистым философом. То, чем он занимался и как он занимался представляет собой исключительное дело философии, одной лишь философии, в силу чего она, будучи связана со всем массивом культуры, стоит, тем не менее, особняком. Он понимал философию как личностно формирующее дело, размышление вслух и собирал на свои лекции, изданные посмертно записи которых составляют основную часть его творческого наследия, большие аудитории слушателей. Его иногда называют философом сократического типа.

Мамардашвили разделил судьбу и привилегию больших философов остаться не до конца понятым и стать предметом самых различных интерпретаций и даже оценок. Он как философ пользовался естественным общепонятным русским языком в том смысле, что не прибегал к помощи какого-либо специального формального аппарата. Но при этом он говорил о вещах совершенно неочевидных, и для того, чтобы передать эту неочевидность, он употреблял слова в непривычных значениях, прибегал к совершенно неожиданным сочетаниям слов, конструкциям предложений, в результате чего его речь заключала в себе принципиальную многозначность – такую многозначность, что про любую интерпретацию он мог бы сказать, что он рассуждает не о том.

Специальным предметом его интереса также было мышление. И он понимал, что мышление можно постичь только мыслью. Его философский пафос состоял в том, чтобы прийти до истоков мышления, до рождения мысли, чтобы понять мысль как событие. Мамардашвили пытался истолковать само рождение мысли как акт свободы. Идея, связывающая свободу с разумной сущностью человека, с его мышлением, не является, конечно, новой; она составляет то, что можно было бы назвать мейнстримом европейской философии. Исследование мышления, обоснование его суверенности, как мы видели, находилось также в центре философии шестидесятников. То новое в русской философии, что было связано с именем Мамардашвили, заключалось в истолковании акта мысли в качестве акта свободы. Разработка этого тезиса оказывается одновременно философской санкцией полного духовного и интеллектуального раскрепощения личности, её рассмотрения как базисной основы общества. Идея индивидуальной свободы, обретаемой в событии мысли, пафос автономии мышления, интеллектуального самозаконотательства, и на сегодняшний день остаётся ценностью, объясняющей общественную актуальность Мамардашвили как философа.

Иван Тимофеевич Фролов (1829–1999) является одной из центральных фигур философии шестидесятников не только в смысле масштаба творческих достижений, но и с точки зрения места по отношению к крайностям, представленным фигурами Зиновьева и Ильенкова. Это относится и к его теоретическим приоритетам, и к социалистическим убеждениям. Отправным пунктом размышлений Фролова была марксистская идея о природе как неорганическом теле человека, его второй природе. Исследуя проблемы методологии биологического исследования, он пришел к выводу, что в результате бурного прогресса научных исследований и технологий сама биология человека в значительной мере становится его второй природой. Отсюда был сделан вывод о незавершенности антропосоциогенеза и необходимости этико-гносеологического синтеза, такого соединения гуманизма с наукой, когда он становится внутренним требованием (и ограничением) самого познания. Анализируя научно-технологические перспективы улучшения человека, он сформулировал парадокс, согласно которому мы, затевающие такое улучшение, уже сегодня должны быть лучше того, кого мы хотим создать в будущем [Фролов 1987: 21]. А будущее человека он видел в том, чтобы человек, оставаясь разумным, стал ещё и существом гуманным. Изменяющийся способ познания и действия связан с изменением объекта, который выступает как сложный и многосторонний комплекс взаимодействий природы и человека, приобретающий форму глобальных проблем. Выступив пионером исследования этих проблем в нашей стране, введя понятие глобализации, Фролов выдвинул идею, что все глобальные проблемы центрируются вокруг человека и могут быть сгруппированы вокруг основных векторов его отношений: человек – природа, человек – общество, человек – человек. Глобальные проблемы требуют адекватной методологии, которую он определил как комплексное исследование человека. Они требуют глобального подхода к будущему человечества, суть которого состоит в становлении самого человечества как целостного общественного объединения. Путь к этому он видел в демократическом социализме, основанном на приоритете общечеловеческих ценностей.

Фролов занимал особое положение среди шестидесятников тем, что он свою исследовательскую работу сочетал с активной и, что не менее важно, очень успешной научно-организационной и общественно-политической деятельностью. Уже занимаясь проблемами биологии, он активно включился в борьбу с воинствующими ретроградами в науке. В последующем он был главным редактором центрального философского журнала «Вопросы философии», теоретического органа КПСС журнала «Коммунист», помощником Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева, членом политбюро ЦК КПСС. Он внёс огромный вклад в совместную работу философов и естествоиспытателей, стал инициатором и первым директором научно-исследовательского Института человека, активизировал участие отечествен-

ных философов в международном сотрудничестве, добился проведения и руководил организацией в стране Всемирного философского конгресса в 1993 году. Особо надо отметить задуманный и осуществленный им благодаря своим властным возможностям проект создания силами философов-шестидесятников коллективного учебника «Введение в философию». Общественная активность Фролова определялась его убеждениями, которые были основаны на том, что социализм способен стать гуманным и демократическим. Поэтому не надо пассивно уповать на будущее или застревать в неприемлемо тяжёлом прошлом, надо совершенствовать реальное, в основе здоровое и жизнеспособное, социалистическое общество, в котором мы живём. И он последовательно работал в этом направлении. Как пишет исследователь его творчества С.Н. Корсаков, «выйдя на поле философской деятельности вместе с поколением философов-шестидесятников, причем в передовой когорте этого поколения, И.Т. Фролов остался единственным в России философом, который сохранил идеалы шестидесятников в их первозданности» [Корсаков 2014: 9].

Вернёмся к творчеству и судьбе Зиновьева, которые важны для понимания общественного контекста философии шестидесятников и её конца. Но предварительно необходимо сделать одно замечание. Ильенков и Зиновьев обозначили две тенденции не только в понимании философии, но и её способности быть силой, способной преобразовать мир. Говоря по-другому, разным было их отношение к марксизму и социалистическому обществу как его практическому продолжению. Уже подчёркивалось, что лояльное отношение к марксизму и социализму было важным признаком философского шестидесятничества как общественного явления. Но степень этой лояльности имела широкую амплитуду, крайними точками которой были позиции Ильенкова и Зиновьева. Ильенков был убеждённым марксистом, он жил этим убеждением. Реально существовавшее в СССР социалистическое общество он рассматривал в качестве первого шага, несовершенной, но необходимой формы на пути к коммунизму как обобществившемуся человечеству. Советское общество, как бы ограничено оно ни было, исторически, с его точки зрения, принципиально превосходило капиталистический Запад. Его критика реального социализма была критикой из собственного будущего самого социализма, т. е. с позиций коммунистического идеала. Один из ближайших учеников и друзей Ильенкова С.Н. Мареев рассказывает, что он однажды застал его дома плачущим [Мареев 2015: 14]. При желании узнать, в чем дело, оказалось, что причиной явилось сообщение о военном конфликте между Китаем и Вьетнамом: тогда господствовало убеждение, что социализм по сути является миролюбивым обществом и войны между социалистическими странами не может быть. Отношение Зиновьева к марксизму и социализму было иным; марксизм он считал светской идеологией, правда хорошего качества, и, может быть, для идеологии даже слишком сложной, а социалистическое общество, природу которого он проанализировал и зло высмеял, иным и быть не могло. Правда, это не значит, будто капиталистическое общество с его точки зрения было лучше, оно уродливо по-своему. Как он считал, идеальных общественных устройств в марксистском или ином подобном варианте социального равенства не может существовать в принципе. Эти свои взгляды Зиновьев в дружеском общении не скрывал, в творчестве же до поры до времени не идентифицировал себя в качестве марксиста и ограничивался в своих занятиях формальной логикой.

Логика, как подчёркивал Зиновьев, не была для него самоцелью, точно так же как не была просто тихой академической гаванью, позволяющей без риска для жизни сохранить профессиональное достоинство в условиях советского идеологического учреждения (заметим, кстати, блестяще и подробно описанного им впоследствии в романе «Жёлтый дом»). Это был необходимый этап выработки методологического инструментария для исследования общества, в котором ему случилось родиться и жить. А то, что оно нуждается в исследовании, у него не было сомнения, ибо для него было совершенно очевидно: самосознание совет-

ского общества, официальное объяснение его сущности далеко от того, чем оно является на самом деле. Вопиющее расхождение между коммунистическим идеалом, тем, что провозглашалось в качестве жизненной цели, чему учили в школе, провозглашали со всех трибун, и повседневной реальностью советского общества стало, по признанию самого Зиновьева, его основным переживанием и исследовательским импульсом. Это противоречие между идеалом и реальностью было основным, по большей части вполне осознаваемым и по возможности проговариваемым общественным мотивом интеллектуальной озабоченности и научных поисков всех шестидесятников. Зиновьев сделал этот феномен предметом научного анализа: он занялся изучением советского общества как особого эмпирического объекта, что не только сместило фокус его научных занятий (из логики он перешёл в социологию), но изменило также его жизненную судьбу. Исследование советского общества неизбежно обернулось его критикой. Не могло не обернуться: Зиновьев, хотя он и начал свои логические опыты с анализа «Капитала» Маркса, и высоко ценил это произведение как научный труд, и использовал в качестве текста для реконструкции логики научной теории, никогда в своих личных убеждениях не был марксистом, сама необходимость научного анализа советского общества ему потому и понадобилась, что марксистская теория, которая, собственно, составляла основу официальной советской идеологии, для этого не годилась. Зиновьев с самого начала отверг излюбленный софизм критически настроенных марксистов, согласно которому реальный советский социализм в действительности социализмом не был, не соответствовал марксистскому проекту, а если бы он не отступил от теории, то был бы совершенно другим, почти идеальным обществом. Он решительно отверг такой сугубо идеологический ход мыслей и подошёл к вопросу как учёный, который исходит из того, чем на деле является исследуемый объект, а не из того, что мы думаем о нем. Он сделал вывод: советское общество в том его фактическом виде, в каком оно установилось в России, именно оно, а не некие замыслы и философские проекты в головах мыслителей, какими бы гениальными они ни были, и есть реальный коммунизм. И другого коммунизма не существует. Более того: в принципиальном плане другой коммунизм и невозможен. Своё понимание, которое представляет собой развёрнутую теорию советского коммунизма, он изложил первоначально в художественной форме в книге «Зияющие высоты», создав одновременно новый литературный жанр социологического романа, а затем в систематическом труде «Коммунизм как реальность». Его роман был опубликован в 1976 году в западном издательстве (в Швейцарии), что само по себе, не говоря уже о содержании, считалось совершенно неприемлемым деянием, приравненным едва ли не к измене родине.

После этого он был исключён из партии, изгнан с работы, лишён всех званий и наград, в том числе боевых, и в 1978 году вместе с семьёй выдворен из страны и провёл 21 год в вынужденной эмиграции в ФРГ. Исключение из партии и изгнание с работы было осуществлено при персонифицированной (через голосование на партийном собрании и на ученом совете) поддержке коллег-шестидесятников по Институту философии, в котором он работал. Степень искренности их поддержки была относительной, если она вообще была. Они понимали, что Зиновьев своим поступком перешёл грань, отделяющую шестидесятников от диссидентов, и нарушил негласные правила, по которым играли шестидесятники: им была разрешена свобода суждений и действий, за исключением таких, которые очевидным образом были враждебными или нелояльными по отношению к советской системе и высшему партийному руководству. Сам Зиновьев не считал себя диссидентом, да и не был им, но это уже никого не интересовало. Тот факт, что Зиновьев отмежевался от диссидентов, хотя был более фундаментальным и острым критиком советского режима, чем они, а впоследствии не принял перестройку Горбачева, назвав её катастрофой, восстал против разрушения Советского государства и стал непримиримым критиком постсоветского строя в России, подверг разоб-

лачительному социологическом анализу установившуюся на современном Западе социальную систему, назвав её западнизмом, всё это поставило его как мыслителя и гражданина в особое, единственное в своём роде положение. Это – уже другая история, которая выходит за рамки обсуждения темы шестидесятников и объясняет, среди прочего, почему поздний Зиновьев-бунтарь оказался вне их круга.

* * *

Начало философии шестидесятников по локализации и времени является довольно точным. Её конец установить трудней по двум причинам. Во-первых, он размыт по времени и событиям, окончательно произошёл во второй половине 80-х годов в ходе горбачевской перестройки и гласности – в эти годы шестидесятники в значительной своей массе открыто солидаризировались с диссидентами. Во-вторых, конец философии шестидесятников как общественно-го явления не означал конца самих шестидесятников как индивидуальных специалистов, многие из которых активно и даже более успешно, чем прежде, продолжают свою деятельность. Как бы то ни было, философия шестидесятников завершилась вместе с крахом советской системы, что естественным образом ставит вопрос о её роли в этом крахе. Оставляя этот вопрос открытым, хочу лишь заметить: дерево падает не только тогда, когда его подрубают снаружи, но и тогда, когда оно подтачивается изнутри.

Послесловие: прошлое не судят!

Один из коллег, прочитав этот очерк о шестидесятниках в советской философии, упрекнул меня в том, что в нем недостаёт критического подхода. Соглашаясь с ним, я обратил его внимание на завершающую фразу. Критический подход к рассматриваемому предмету также допускаю, нахожу его возможным, ценным и даже необходимым, только для этого требуется другой взгляд и, что в свете избранного аспекта рассмотрения ещё важнее, другая дистанция.

Философы-шестидесятники – это не моё поколение. Не в том смысле, что они чужды мне и моему поколению, мы просто не принадлежим к ним. Они были волной, которая находилась впереди, мы были обречены бежать за ними. Этим определяется наше отношение к ним. Здесь действует замеченная во все времена абберация исторической психологии, в силу которой каждое поколение восхищается «великими», которые остались в прошлом, и недоволено «карликами», которые приходят им на смену. Её можно назвать обратной перспективой человеческой памяти; так, сегодняшний старик черпает вдохновение в воспоминаниях о старшем брате, погибшем на фронте, и преисполняется печалью, глядя на внуков, уткнувшихся в свои гаджеты. Река времени течёт из будущего.

С отношением к поколениям, которые предшествовали нашему и являлись для нас уже прошлым, у меня связаны два эпизода. Они врезались в память и, думаю, приобрели формирующее личностное значение. Первый произошёл во второй половине 50-х годов в ходе дискуссии в Доме культуры МГУ на улице Герцена (теперь Большая Никитская), который был тогда одним из центров напряжённых общественных дискуссий. Речь шла о том, что у нашего молодого поколения, в отличие от сверстников эпохи революции, Гражданской и Отечественной войн, нет достойного поприща, где оно могло бы героически проявить себя (типичный ход мысли в те годы). В ходе обсуждения выступил наш сверстник с узнаваемой фамилией, сын выдающегося деятеля культуры сталинской эпохи, и сказал приблизительно следующее: действительно, сейчас уже не осталось великих задач – предшествующие борцы за социализм всё за нас сделали, но на долю нашего поколения выпала ноша, которая в чём-то ещё тяжелей: нам приходится решать вопрос, можем ли мы доверять своим отцам. Второй эпизод – это фильм режиссёра Тенгиза Абуладзе «Покаяние», который в годы перестройки

приобрёл программный характер. Он представляет собой легко узнаваемую аллегорию на советское прошлое, заложенную в сюжете: мёртвый тиран не может успокоиться на кладбище, его постоянно кто-то выкапывает, что будоражит город; когда выясняется, что это делает женщина, мать и отец которой были уничтожены им, и что он подвергал жестоким репрессиям весь город, его внук кончает жизнь самоубийством; тогда сын тирана сам вытаскивает труп отца из могилы и сбрасывает со скалы.

Эти эпизоды ставят перед нами вопрос о том, насколько сын может судить отца, а последующее поколение – предшествующее. Не входя в детали, оговорки и уточнения, иногда очень важные, замечу: великая нравственная норма: «Не судите других!» – в полной и прямой мере сохраняет свою силу также применительно к предшествующим поколениям. Критическое и негативное отношение к ним должны оставаться в рамках преемственной и благодарной связи с ними. Именно этим я руководствуюсь в своём отношении к философам-шестидесятникам: не было бы их – не было бы и нашего философского поколения, точно так же, как не было бы отца – не было бы и меня в качестве индивида. Речь идёт именно об отношении к ним как к поколению, общественному явлению, звену в закономерном ряду. Это, разумеется, не исключает более конкретного, в том числе негативного, рассмотрения отдельных имён и эпизодов их философского творчества, но это уже будет не социологический, не поколенческий взгляд. Также вполне допустима иная общественная оценка этого поколения, когда смысл его деятельности усматривается не в том, чтобы придать социализму человеческое лицо, а в том, чтобы только приукрасить его звериный оскал, или, наоборот, изнутри разрушить социализм (такие оценки также имеют своих сторонников), но это уже будет взгляд другого поколения и в другой исторической перспективе. Как нам не деться никуда от того, что мы идём вслед за ними, так нам не изменить того обстоятельства, что мы входим в историю по их пропускам.

Александр Александрович Зиновьев... 2009. *Александр Александрович Зиновьев* / Под ред. А.А. Гусейнова. – М.: РОССПЭН.

Георгий Петрович Щедровицкий... 2010. *Георгий Петрович Щедровицкий* / Под ред. П.Г. Щедровицкого. – М.: РОССПЭН.

Гулыга А.В. 2000. Полвека на Волхонке. – Гулыга А.В. *Эстетика в свете аксиологии. Полвека на Волхонке*. – СПб.

Гусейнов А.А. 2020. Философия шестидесятников как общественное явление. – Гусейнов А.А. *Этика и культура*. – СПб. – С. 176–195.

Зиновьев А.А. 2002. *Восхождение от абстрактного к конкретному (на материале «Капитала» Карла Маркса)*. – М.: ИФ РАН.

Ильенков Э., Коровиков В. 2016. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)* / Авт.-сост. Е. Ильеш. – М.: Канон+.

Корсаков С.Н. 2014. Философ гуманизма. – *Философские науки*. – № 8. – С. 7–19.

КПСС в резолюциях... 1954. *КПСС в резолюциях...* Ч. III. 7-е изд. – М.

Лекторский В. 2016. Глазами очевидца. – Ильенков Э., Коровиков В. *Страсти по тезисам о предмете философии (1954–1955)* / Авт.-сост. Е. Ильеш. – М.: Канон+. – С. 6–13.

Лекторский В.А. 2017. Как я был гносеологом? – *Философская оттепель и падение догматического марксизма в России*. – М.; СПб.: Нестор-История. – С. 322–336.

Мареев С.Н. 2015. *Э.В. Ильенков: жить философией*. – М.: Академический проект: Трикта.

Межуев В.М. 2017. Эвальд Ильенков и конец в России классической марксистской философии. – *Философская оттепель и падение догматического марксизма в России*. – М.; СПб.: Нестор-История. – С. 269–278.

Мераб Константинович Мамардашвили... 2009. *Мераб Константинович Мамардашвили* / Под ред. Н. В. Мотрошиловой. – М.: РОССПЭН.

Мамчур Е.А., Овчинников Н.Ф., Огурцов А.П. 1997. *Отечественная философия науки: предварительные итоги*. – М.

Митрохин Л.Н. 2005. *Мои философские собеседники*. – СПб.

Мотрошилова Н.В. 2017. Социокультурный контекст 50–80-х гг. XX в. и феномен М. Мамардашвили. – *Философская оттепель и падение догматического марксизма в России*. – М.; СПб.: Нестор-История. – С. 298–321.

Рассадин С.Т. 1960. Шестидесятники. Книги о молодом современнике. – *Юность*. – № 12. – С. 58–62.

Соловьев Э.Ю. 2017. Моховая, 11 – Волхонка, 14 (из истории московской философской оттепели). – *Философская оттепель и падение догматического марксизма в России*. – М.; СПб.: Нестор-История. – С. 84–109.

Стёпин В.С. 2011. *Цивилизация и культура*. – СПб.: СПбГУП.

Текст стенограммы... б/г. *Текст стенограммы защиты кандидатской диссертации А.А. Зиновьева*. – Доступно: <http://www.ergojournal.ru/?p=2613>. – Проверено: 22.07.2022.

Шестаков В.П. 2017. Философия, эстетика и искусствознание в МГУ: 60-е годы. – *Философская оттепель и падение догматического марксизма в России*. – М.; СПб.: Нестор-История. – С. 197–218.

Щедровицкий Г.П. 2001. *Я всегда был идеалистом...* – М.

Феномен Зиновьева... 2002. *Феномен Зиновьева* / Сост. А.А. Гусейнов, О.М. Зиновьева, К.М. Кантор. – М.: Современные тетради.

Философия не кончается... 1998. *Философия не кончается... Из истории отечественной философии. XX века: в 2 кн.* / Под ред. В.А. Лекторского. – М.

Фролов И.Т. 1987. Человек будущего: идеал и реальность. – *Раздумья о будущем*. – М.

Эвальд Васильевич Ильенков... 2009. *Эвальд Васильевич Ильенков* / Под ред. В.И. Толстых. – М.: РОССПЭН.